

.ОН ДУМАЕТ,
ЧТО СПАСАЕТ МЕНЯ.
НО Я УЖЕ НЕ Я.
И ВСЁ РАВНО
ЖДУ ЕГО КАЖДЫЙ
ДЕНЬ...

Анастасия Шерр
Ли́ра Ветрова

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ
КЛИНИКА
ЗАКРЫТОГО ТИПА

Тишина. Лечение. Безопасность.

ОН ПРИХОДИТ
КАЖДЫЙ ДЕНЬ
И СПРАШИВАЕТ:
«ТЫ ГОТОВА
ВЕРНУТЬСЯ?»

Я МОЛЧУ.

НО БОЮСЬ,
ЧТО ОДНАЖДЫ
СКАЖУ «ДА»...

ОДЕРЖИММОСТЬ.

ПОКА НЕ СКАЖЕШЬ

«ДА»

18+

ТЁМНАЯ ЛЮБОВЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

ОН НЕ ОТПУСТИТ

Анастасия Шерр

**Одержимость. Пока
не скажешь "да"**

«Автор»

2026

Шерр А.

Одержимость. Пока не скажешь "да" / А. Шерр — «Автор», 2026

Каждый вечер мой муж приходит в закрытую психиатрическую клинику и задаёт один вопрос:— Ты готова вернуться?Я молчу.Потому что однажды Аяз из ревности выстрелил в моего друга у меня на глазах.Он сказал, что тот позволял себе много лишнего. Слишком долго смотрел на меня, слишком часто прикасался. Один дружеский поцелуй в щеку, и мой муж сорвался.Теперь Аяз уверен, что со мной что-то не так. Что я всё ещё его жена. Что должна вернуться домой, спать в его постели и родить ему детей.Он любит меня.Так сильно, что уже не понимает, где заканчивается любовь и начинается безумие. Я же знаю лишь одно... Он страшно, нечеловечески мною одержим.И каждый день он приходит снова.— Ты готова вернуться?Я молчу.Не потому, что боюсь его.Я боюсь, что однажды сломаюсь.И скажу:— Да.В тексте есть: Одержимый женщиной авторитетРевностьСтеклоБабочек в животе не будет...Диалогия

Ли́ра Ветро́ва, Анастаси́я Шерр

Одержимость. Пока не скажешь "да"

ОДЕРЖИМОСТЬ.

ПОКА НЕ СКАЖЕШЬ «ДА»

Анастасия Шерр

Ли́ра Ветро́ва

Ди́логия 18+

Дисклеймер

Все персонажи и события данного произведения вымышлены. Присутствуют сцены эротики. Автор не оправдывает и не пропагандирует насилие, жестокость, принуждение, противоправное поведение и вредные привычки. Текст создан исключительно в художественных целях и предназначен для взрослой аудитории 18+.

Аннотация

Каждый вечер мой муж приходит в закрытую психиатрическую клинику и задаёт один вопрос:

— Ты готова вернуться?

Я молчу.

Потому что однажды Аяз из ревности выстрелил в моего друга у меня на глазах.

Он сказал, что тот позволял себе много лишнего. Слишком долго смотрел на меня, слишком часто прикасался. Один дружеский поцелуй в щёку, и мой муж сорвался.

Теперь Аяз уверен, что со мной что-то не так. Что я всё ещё его жена. Что должна вернуться домой, спать в его постели и родить ему детей.

Он любит меня.

Так сильно, что уже не понимает, где заканчивается любовь и начинается безумие. Я же знаю лишь одно... Он страшно, нечеловечески мною одержим.

И каждый день он приходит снова.

— Ты готова вернуться?

Я молчу.

Не потому, что боюсь его.

Я боюсь, что однажды сломаюсь.

И скажу:

— Да.

ГЛАВА 1

Сейчас

Рамку мне оставили, а стекло вынули. Медсестра принесла фотографию после завтрака, поставила на тумбочку и долго возилась с обратной стороной рамки, словно от того, насколько ровно будет лежать картон, зависело моё душевное здоровье.

Я наблюдала за ней из кровати, натянув одеяло до подбородка, и мысленно усмехалась. Они боялись оставить мне даже маленький кусок стекла. Боялись, что я разобью его, на кого-нибудь нападу или сделаю ещё какую-нибудь глупость, которую здесь предусмотрительно внесли в длинный список возможных поступков госпожи Багировой. Никому не приходило в голову, что умирать я совершенно не собиралась. Я хотела жить. До злости, до зубовного скрежета хотела. Хотела выйти из этой красивой, дорогой тюрьмы, вдохнуть воздух за воротами, купить кофе в первом попавшемся киоске, пройти по улице среди людей, которые не знают, кто мой муж и почему врачи разговаривают со мной осторожными ласковыми голосами.

Только для этого требовалось одно — перестать быть женой Аяза Багирова. И именно здесь начиналась та часть, о которой я никому не рассказывала.

На фотографии мне было двадцать пять, и я смеялась так открыто, что иногда хотелось схватить рамку и швырнуть её в стену. Корона съехала набок, золотая лента победительницы перекрутилась на талии, тушь немного размазалась под глазами от слёз, а я всё равно выглядела счастливой. Не красивой — счастливой. Красивой меня в тот вечер называли несколько сотен раз, это слово уже перестало что-либо значить. «Самая красивая девушка города», «лицо года», «идеальная победительница» — ведущий улыбался, фотографии ослепляли вспышками, мама плакала в первом ряду, Кирилл орал громче всех и махал мне обеими руками. А ещё там был Аяз. Его на фотографии почти не видно, только часть широкого плеча в чёрном пиджаке и мужская ладонь рядом с моими волосами. Он только что, как главный спонсор конкурса, надел на меня корону и задержал пальцы у моего виска на какую-то долю секунды дольше, чем требовалось. В тот вечер я не придавала этому значения. Сейчас могла часами смотреть на эту ладонь и думать, что именно тогда всё началось: моё замужество, моя любовь, его болезнь и эта комната со стенами спокойного кремового цвета, где мне даже зеркало повесили такое, которое нельзя разбить.

К шести вечера я уже переставала читать. К половине седьмого начинала прислушиваться к коридору. К без десяти семь ненавидела себя так сильно, что хотелось быть в подушку. Аяз приезжал каждый день примерно в одно время, и организм выучил его расписание раньше головы. Я могла весь день уверять врача, что мне плевать, придёт муж или нет, могла лениво ковырять вилкой запеканку, гулять по саду с медсестрой, спорить о таблетках, даже смеяться над пожилой женщиной из соседней палаты, которая считала санитаров своими бывшими любовниками. Но ближе к вечеру внутри появлялось мерзкое ожидание. Живое. Тёплое. Почти радостное, если не смотреть ему в лицо и не называть настоящим именем. Я начинала замечать время. Поправляла волосы. Несколько раз ловила себя на том, что разглаживаю складки на домашнем костюме, и в тот же миг хотелось содрать его с себя от злости. Какая разница, как я выгляжу перед человеком, которого должна ненавидеть? Огромная, как выяснялось. Потому что Аяз оставался мужчиной, которого я успела полюбить до безумия. Мужчиной, чьё тело знала лучше собственного. Мужчиной, от одного запаха которого когда-то у меня становились ватными колени, а в голове оставалось только одно совершенно бесстыдное желание, чтобы быстрее закрыл дверь спальни и перестал разговаривать.

В тот вечер я сидела на широком подоконнике и делала вид, что рассматриваю парк. Осень добралась до территории клиники несколько дней назад, и теперь дорожки тонули в мокрых листьях. Санитар в синей куртке толкал перед собой тележку, садовник собирал ветки, две пациентки гуляли под руку с медсёстрами. Всё было до тошноты спокойно. В этой клинике вообще умели делать несчастье дорогим и красивым: натуральное дерево, живые цветы, картины, никакого больничного запаха, отдельное меню, массаж, бассейн, психотерапевты с безупречной речью. Аяз выбрал лучшее место. Разумеется. Мой муж никогда не экономил на том, что считал своим. Даже когда решил запереть собственную жену среди людей, которых лечили от душевных болезней, сделал это так, будто подарил мне дорогой курорт. Первый раз, когда врач сказал: «Ваш супруг очень о вас заботится», я рассмеялась ему в лицо. Смеялась долго, почти истерично, а через несколько минут уже рыдала, спрятав лицо в ладонях. Врач что-то записал. Наверное, очередное доказательство того, что Аяз прав, а я действительно нуждаюсь в лечении.

Дверь тихо приоткрылась, вошла моя вечерняя медсестра. Молодая, круглолицая, с мягкими карими глазами, из тех женщин, которые не умеют выглядеть равнодушными даже после десяти часов тяжёлой смены. Она поставила на стол чашку с ромашковым чаем, бросила быстрый взгляд на часы и тут же посмотрела на меня. Я увидела это. Конечно увидела. Здесь все знали, кто приезжает вечером, хотя никто никогда не произносил его имя без необходимости.

— Ливия, чай хотя бы попробуйте, — попросила она, подвигая чашку ближе к краю стола и поглядывая на мои босые ноги. — Вы опять почти не ужинали. Если так продолжите, доктор утром устроит мне разнос, а я очень люблю свою работу и совсем не хочу страдать из-за вашей семейной драмы.

Я неожиданно хмыкнула. Она тоже улыбнулась, довольная тем, что вытащила из меня хоть какую-то реакцию, и поправила покрывало на кресле. Мне нравилась эта девчонка именно потому, что она временами забывала говорить со мной как с больной. Могла пожаловаться на начальницу, рассказать, как утром порвала колготки, или тихо выругаться на кофемашину. В такие минуты клиника переставала казаться декорацией вокруг моей катастрофы, а я на пару секунд чувствовала себя обычной женщиной.

— Не переживайте, Марина, — пробормотала я, обхватывая чашку ладонями скорее ради тепла. — Если доктор решит вас уволить, мой муж купит клинику и вернёт вас на работу. Он любит решать проблемы радикально.

Марина перестала улыбаться. Я заметила, как она посмотрела на дверь, и этого хватило, чтобы во мне опять всё сжалось. Она хотела что-то сказать, передумала, лишь провела ладонью по спинке кресла и вышла, пожелав спокойного вечера. Спокойного. Я чуть не рассмеялась вновь. Именно спокойствие последние недели стало моей самой ненавистой вещью. Здесь мне предлагали успокоиться, принять лекарство, поспать, перестать прокручивать произошедшее. А дома Аяз тоже говорил мне успокоиться. В тот вечер, когда на полу лежал Кирилл и под его головой расплзалось тёмное пятно, муж удерживал меня обеими руками, а я билась в них так, что утром обнаружила синяки на плечах. Он тоже требовал успокоиться. Будто можно посмотреть, как твой муж стреляет в твоего друга из-за дружеского поцелуя в щёку, и через пять минут попросить принести минеральной воды.

Я помнила всё кусками. Кирилл приехал вернуть документы, смеялся над моей новой причёской, назвал меня «королевой на пенсии» и на прощание привычно чмокнул в щёку. Ничего особенного. Он так здоровался со мной ещё задолго до Аяза. Я даже не заметила, что муж стоял в дверях кабинета и наблюдал. Кирилл заметил. Усмехнулся. Что-то сказал — сейчас я уже не могла вспомнить точные слова, сколько ни пыталась. Помнила только, как изменилось лицо Аяза. Это произошло очень тихо. Без крика, без бешенства, без привычной угрозы в голосе. Он спросил Кирилла, почему тот трогает его жену. Я закатила глаза и попросила прекратить эту дурость. Кирилл тоже не испугался. Ошибка. Большая, страшная ошибка человека, который знал Аяза как моего богатого, ревнивого мужа, но не знал мужчину, которым тот был вне дома. Через несколько минут раздался выстрел. Я увидела, как Кирилл рухнул на пол, а Аяз ещё держал оружие в опущенной руке. Кажется, я закричала его имя. Кажется, бросилась к Кириллу. Кажется, муж поймал меня поперёк живота и не дал сделать ни шага. Дальше воспоминания превращались в грязное месиво из слёз, крови, чужих рук и моего осипшего голоса.

Без пяти семь я уже не могла сидеть спокойно. Встала, прошлась по комнате, зачем-то поправила рамку и тут же одернула руку. Ливия с фотографии смотрела на меня сияющими глазами. Такая глупая. Такая влюблённая в жизнь. Она ещё понятия не имела, что мужчина, стоящий рядом за краем снимка, через несколько месяцев будет носить её на руках по огромному дому, покупать ей цветы охапками и будить по ночам голодными поцелуями. Она ещё не знала, что сама станет сходить по нему с ума. Что ей будет нравиться его жадность, его тяжёлые ладони, его привычка притягивать её к себе за талию, если кто-то из мужчин задерживал взгляд. Первое время я смеялась над ревностью мужа. Иногда специально дразнила. Мне нравилось, как темнели его глаза, как он становился молчаливым, как в машине клал руку мне на бедро и сжимал пальцы сильнее обычного. Я принимала это за страсть. Да, это и была страсть. Только я не понимала, что для Аяза между «хочу тебя» и «ты принадлежишь мне» никогда не существовало границы.

Лифт в конце коридора тихо звякнул, и по спине прошёл холод. Чашка с чаем осталась на столе. Я вернулась на подоконник, подтянула ноги, сцепила пальцы вокруг коленей и велела себе смотреть в парк. Сегодня я решила, что не поверну головы. Пусть войдёт, увидит мой затылок, задаст свой проклятый вопрос и уйдёт. Вчера я решила то же самое. Днём раньше тоже. Каждый вечер у меня был новый план, и каждый вечер он рушился в ту секунду, когда открывалась дверь. Сердце начинало колотиться до боли, ладони становились влажными, а внутри, к моему отвращению, вместе со страхом просыпалось то самое знакомое тепло. Я ненавидела своё тело за верность. Оно не помнило выстрел так, как помнила голова. Оно помнило мужа в нашей постели. Его бороду между моими пальцами. Его хриплый смех. То, как он прижимал меня к матрасу в те ночи, когда мы оба хотели одного и того же, а утром я ходила по дому в его рубашке и думала, что счастливее меня нет женщины на земле. Он зажимал меня в каком-нибудь углу и долго тискал, почти домогался. И мне нравилось. Даже его грубость нравилась.

Шаги остановились у двери, и я застыла вместе с ними. Несколько секунд в коридоре стояла тишина. Наверное, Аяз разговаривал с врачом. Он всегда разговаривал с врачом перед тем, как зайти ко мне. Спрашивал, как я сплю, ем ли, плачу ли, говорю ли о нём. Мне однажды хотелось подслушать, но я не решилась подойти к двери. Не потому что боялась услышать диагноз. Я боялась услышать его голос раньше времени и поймать себя на радости.

Замок щёлкнул негромко, и я всё-таки повернула голову. Аяз вошёл один. Высокий, широкоплечий, в тёмных брюках и чёрном свитере, обтянувшем грудь и руки так, что я в первую секунду разозлилась на себя уже за сам взгляд. Борода стала длиннее. Не сильно, но достаточно, чтобы я заметила. Он всегда следил за ней, подравнивал каждые несколько дней, и раньше я ворчала, если он состригал больше, чем мне нравилось. Сейчас борода делала его лицо ещё жёстче. Смуглая кожа, тяжёлый подбородок, тёмные глаза, густые волосы, зачёсанные назад. Красивый мужчина. Очень красивый. Тот самый, которого фотографировали рядом со мной после свадьбы и писали, как невероятно повезло победительнице городского конкурса красоты. Никто не видел, что происходило за дверями нашего дома. Да и я долго не видела. Я была занята тем, что любила его.

Он остановился у двери и долго смотрел на меня. Его взгляд медленно прошёлся по лицу, задержался на волосах, спустился к губам, и я увидела, как тяжело он выдохнул через нос. Аяз тоже мучился. Иногда мне хотелось, чтобы это приносило мне удовольствие, но не приносило. Я слишком хорошо знала его. Видела напряжение в челюсти, пальцы, которые он сжал в кулак и тут же разжал, тёмные тени под глазами. Он хотел подойти. Хотел коснуться. Я знала это так же отчётливо, как раньше знала, что через секунду он поднимет меня на кухонную столешницу, потому что устал ждать, пока я закончу готовить ужин. В памяти вспыхнула его рука на моей голой спине, горячее дыхание, моя собственная улыбка ему в губы, и я резко отвела взгляд.

Аяз ничего не сказал по поводу моего движения. Снял пальто, аккуратно положил его на спинку кресла и сел. Кресло казалось под ним маленьким. Муж упёрся локтями в колени, переплёл пальцы, и обручальное кольцо блеснуло в свете настольной лампы. Моего кольца на пальце не было. Я сорвала его в ту ночь после выстрела и бросила куда-то, даже не помнила куда. Аяз своё не снял. Конечно. В его мире наш брак никуда не исчез. Я не ушла от него. Не разлюбила. Не отказалась. Я испугалась, сорвалась, заболела, и теперь мне требовалось время, чтобы «прийти в себя». Иногда я представляла, как он объяснял всё врачам. Моя жена пережила потрясение. Моя жена ведёт себя неадекватно. Моя жена должна восстановиться. Даже здесь во всех формулировках оставалось это проклятое «моя». Его вещь.

Несколько минут мы молчали. Мне казалось, я слышу его дыхание. Аяз рассматривал меня с той пугающей сосредоточенностью, от которой когда-то внутри становилось горячо. В первые месяцы он мог так смотреть через весь ресторан, и я уже знала, чем закончится вечер. Под столом колени начинали дрожать, во рту пересыхало, а он сидел невозмутимый, иногда едва заметно улыбался и продолжал разговор с людьми, будто не раздевал меня глазами. Мне

нравилось доводить его. Нравилось ощущать себя женщиной, из-за которой этот огромный, сдержанный мужчина теряет терпение. Сейчас он смотрел почти так же, и от этого захотелось заплакать. Потому что тело вспомнило раньше, чем я успела запретить.

— Ты готова вернуться? — спросил Аяз наконец, чуть подавшись вперёд, и его голос оказался ниже обычного, будто он весь день говорил слишком много или слишком долго молчал. Он не сводил с меня глаз, а пальцы медленно сомкнулись в замок. — Ливия, я опять спрашиваю только это. Готова или нет?

Я крепче обхватила колени и промолчала. Горло свело так, что даже если бы захотела ответить, звук не вышел бы из меня. А Аяз ждал. Он никогда не задавал второго вопроса. Не спрашивал, как я себя чувствую, чего хочу, когда позволю увезти меня домой. Один вопрос. Каждый день. Словно остальное уже решено, а от меня требуется последняя мелочь... согласиться. В этом весь Аяз. Если он чего-то хотел, мир должен был подвинуться. Так было с ресторанами, людьми, сделками, нашей свадьбой. Так стало со мной. Разница заключалась лишь в том, что раньше мне нравилось, когда он решал. Я считала это заботой. Сейчас понимала, насколько удобно было любить мужчину, пока наши желания совпадали.

Он провёл ладонью по бороде, опустил взгляд на пол и вдруг тихо усмехнулся. Смех получился коротким, безрадостным, почти усталым. Я впервые за несколько дней увидела в нём живого человека, а не холодную глыбу, приходящую за своим ответом. Аяз поднял глаза, и в них мелькнула злость. Не на меня, скорее на происходящее, на эту комнату, на расстояние между нами.

— Ты похудела, — проговорил он глухо, словно не собирался этого говорить и всё же не выдержал. Он окинул меня тяжёлым взглядом и качнул головой. — Мне не нравится.

У меня дрогнули губы. Вот оно. Даже сейчас. Не «тебе плохо», не «ты почти не ешь». Ему не нравится. Раньше эта манера выводила меня из себя и одновременно смешила. Я могла примерять платье, а он, развалившись в кресле, сообщал, что ему не нравится длина. Я спрашивала, какое ему дело, и он отвечал, что самое непосредственное, потому что мои ноги принадлежат ему. Тогда я могла запустить в него туфлей, а через десять минут смеяться, пока он ловил меня по спальне. Сейчас воспоминание резануло так больно, что глаза защипало.

— Я не хочу с тобой разговаривать, — выдавила я, сжав губы, чтобы голос не сорвался, и посмотрела на мужа уже со злостью. — Не надо обсуждать мой вес. Не надо делать вид, будто мы дома и я опять забыла пообедать.

Аяз замер. Вот теперь в его глазах мелькнуло что-то яркое, почти голодное. Я сказала ему больше, чем за последние дни. Он даже выпрямился, будто мои несколько слов стали подарком.

— Хорошо, — отозвался он медленно, и угол его рта дрогнул в странной улыбке, которая разозлила меня ещё сильнее. — Не буду. Хотя бы потому, что ты наконец заговорила со мной.

Я отвернулась к окну, чувствуя, как по щеке всё-таки покатилась слеза. Злилась уже на себя. На него. На эту клинику. На Кирилла, который полез целоваться в щёку при человеке, ревновавшем меня даже к фотографиям. Хотелось заорать, но я только смахнула слезу рукавом и уставилась на мокрые ветки дерева. За спиной Аяз тяжело вдохнул. Кресло скрипнуло. Я напряглась, решив, что он подойдёт, и сердце тут же сорвалось в пропасть. Самое мерзкое, часть меня хотела этого. Хотела почувствовать его ладонь на волосах. Хотела, чтобы он обнял, прижал моё лицо к своей груди, погладил по спине так, как умел только он. Хотела привычного тепла, его запаха и того ощущения, что рядом мужчина, который уничтожит полмира, если мне будет больно. И тут же хотелось рассмеяться от абсурда. Полмира он, может, и уничтожит. Только самым страшным человеком для меня стал он сам.

Аяз поднялся, но ко мне не подошёл. Я услышала, как он берёт пальто, как шуршит ткань. Он тоже учился держаться. Может, врач велел. Может, сам понял, что если ещё раз схватит меня без разрешения, я забьюсь в угол. У двери муж остановился, и несколько секунд я ощущала его взгляд спиной так явственно, будто он касался кожи.

— Завтра я приду опять, Лив, — произнёс он тихо, уже без той холодной уверенности, с которой вошёл. В голосе проскользнула усталость, а следом та самая упрямая одержимость, от которой у меня внутри всё сжалось. — И буду приходить, пока не услышу от тебя «да». Другого ответа мне не нужно.

Он вышел. Дверь закрылась, замок тихо щёлкнул, и я ещё несколько секунд сидела неподвижно. Только когда шаги стихли, меня будто отпустило. Я сползла с подоконника на пол, обняла себя руками и заревела. Не красиво, не тихо. С всхлипами, размазывая по лицу слёзы и сопли, и ненавидя себя за то, что первой мыслью было догнать. Выйти в коридор. Позвать его. Я даже поднялась на колени, глядя на дверь, и зажала рот ладонью, потому что имя уже стояло в горле.

Вот чего я боялась больше всего: не его рук, не ревности и даже не того, что однажды снова увижу оружие у него в ладони. Я боялась себя рядом с ним — своей памяти, собственного тела и своей дурацкой любви, которая после всего пережитого отказывалась умирать. Аяз мог сидеть напротив меня двадцать минут и не касаться, а я уже вспоминала, как он целовал шею, как смеялся мне в волосы, как однажды среди ночи прижал ладонь к моему животу и сонно пробормотал, что здесь будет его сын. Тогда я повернулась к нему, назвала ненормальным и сама поцеловала. Теперь эти воспоминания жгли хуже ненависти.

Я поднялась с пола, подошла к тумбочке и взяла рамку. Девушка в короне сияла. Щёки розовые от волнения, глаза огромные, счастливые. На краю фотографии всё ещё виднелось плечо Аяза. Я провела пальцем по картону там, где начинался его пиджак, и вдруг всхлипнула ещё сильнее.

— Дура, — прошептала я своей улыбающейся копии, прижав рамку к груди. — Какая же ты дура, Ливия. Ты ещё даже не знаешь, как он на тебя посмотрел.

А я знала и помнила этот взгляд до мельчайших деталей. На мне будет вечернее платье, за кулисами Кирилл будет орать, чтобы я перестала трястись, зал взорвётся аплодисментами, а незнакомый мужчина из первого ряда впервые поднимет на меня тёмные глаза. И моей первой мыслью станет вовсе не страх. Мне до безумия понравится, как он на меня смотрит.

ГЛАВА 2

Ранее

На мне было вечернее платье, из-за которого Кирилл за кулисами едва не поседел раньше времени. Не потому, что платье оказалось плохим. Наоборот, оно было таким красивым, что я сама пару минут стояла перед зеркалом в гримёрке и не могла поверить, что это всё про меня. Глубокий изумрудный цвет делал кожу светлее, волосы казались ещё гуще, а глаза визажистка подвела так, что я впервые в жизни испугалась собственного отражения. Слишком взрослая. Слишком яркая. Такая женщина должна была входить в дорогие рестораны под руку с мужчиной, у которого на запястье часы дороже моей съёмной квартиры. А я всего лишь Ливия Вельская, дочь учительницы музыки, девушка из старой панельки на окраине, которая до сих пор умела зашивать колготки прозрачным лаком и покупать туфли по скидке, делая вид, что хотела именно их. Платье взяли у дизайнера на один вечер, туфли давили так, что пальцы уже через двадцать минут начали ныть, а Кирилл носился вокруг меня с бутылкой воды, влажными салфетками и лицом человека, отвечающего за запуск космического корабля, а не за моё появление на сцене конкурса красоты.

— Лива, если ты сейчас ещё раз скажешь, что не выйдешь, я тебя сам туда вынесу, — прошипел Кирилл, когда я в третий раз за пять минут заглянула в щёлку между тяжёлыми кулисами и увидела зал, полный людей, света, камер и чужих глаз. Он стоял рядом в чёрной рубашке, с бейджем организатора на груди, взъерошенный, нервный и страшно довольный собой, потому что именно он втянул меня в эту историю. — Я три месяца терпел твои истерики, слушал про «я слишком худая», «я слишком обычная», «мама меня не поймёт», «у

меня походка как у цапли», и теперь, когда ты выглядишь так, что половина зала подавится шампанским, ты решила включить скромницу? Нет, моя дорогая, поздно. Иди и добей их всех.

Я хотела ответить ему что-то едкое, но в горле пересохло. За кулисами пахло лаком для волос, пудрой, чужим дорогим парфюмом, горячими лампами и нервами. Девушки смеялись слишком громко, кто-то ругался из-за порванной бретельки, визажистка прижимала к уху телефон и обещала какому-то мужчине, что вернётся домой ещё до полуночи, хотя сама выглядела так, будто не верила ни одному собственному слову. Где-то в стороне мама сидела на складном стуле, сжимала сумочку на коленях и делала вид, что молится не слишком заметно. Она плакала ещё утром, когда увидела меня в платье, и сказала, что отец, если бы был жив, обязательно гордился бы мной. После этого я разревелась вместе с ней, испортив макияж за несколько часов до финала. Мне не нужна была корона. По крайней мере, я так думала. Мне хотелось, чтобы этот вечер закончился, чтобы мы с мамой и Кириллом пошли есть пиццу, чтобы я сняла туфли и наконец перестала чувствовать себя куклой на витрине. Но когда ведущий начал объявлять финалистов, внутри всё резко стало горячим и злым. Я вдруг поняла, что хочу выиграть. Не ради ленты, не ради цветов, не ради глупых статей в городских пабликах. Ради той девочки, которая годами смотрела на красивых женщин в журналах и думала, что с ней такого никогда не случится.

— Я упаду, — выдохнула я, глядя на Кирилла и пытаюсь не показать, как сильно дрожат ноги. — Я правда сейчас выйду, запутаюсь в подоле и рухну на сцену. И ты будешь виноват. Тебя проклянут все местные фотографы, потому что вместо победительницы они получат мой разбитый нос крупным планом.

— Если рухнешь, лежи красиво, — Кирилл нагло улыбнулся, но тут же смягчился, взял меня за плечи и заглянул в лицо уже без своих вечных шуток. — Ливи, послушай меня. Ты сегодня лучшая. Не потому, что у меня вкус отличный, хотя он, разумеется, отличный. А потому что ты вышла сюда живой. Другие улыбаются одинаково, двигаются одинаково, отвечают одинаково. Ты смеёшься, когда нервничаешь, злишься, когда тебя спрашивают ерунду, и смотришь так, будто сейчас всех победишь. Всё. Иди. Я буду за кулисами. Если что, поймаю. Хотя лучше без падений, я спину сорву.

Я засмеялась. Нервно, почти беззвучно, прижав ладонь ко рту, чтобы не размазать помаду. Кирилл тоже улыбнулся и легонько ткнул меня пальцем в плечо, как делал уже много лет, когда хотел привести в чувство. Мы с ним познакомились задолго до конкурса, ещё на городском фестивале, где я подрабатывала помощницей у фотографа, а Кирилл тогда уже изображал из себя большого организатора с пятью знакомыми и бесконечной уверенностью в успехе. Он был не любовью, не бывшим, не тайной мечтой. Он был Кириллом. Тем самым человеком, который мог без стука зайти ко мне на кухню, съесть последние сырники, обзывать меня драматической курицей и через час отвезти маму к врачу, если я не успевала. Я привыкла к его рукам на плечах, к поцелуям в щёку, к дурацким обниманиям после хороших новостей. В этом никогда не было ничего такого. Никогда. Тогда я ещё не знала, что однажды именно эта привычная близость станет для другого мужчины поводом вытащить оружие.

Когда объявили моё имя, зал показался огромным и ослепительным. Я вышла на сцену, слыша лишь собственное сердце и голос ведущего, который растягивал слова, будто пытался добавить торжественности каждому моему шагу. Свет ударил в глаза, и первые несколько секунд я почти ничего не видела. Только чёрную пустоту зала, вспышки камер, блеск столиков, лица в первых рядах, сливающиеся в одно пёстрое пятно. Я улыбалась, потому что так учили. Шла медленно, потому что Кирилл за кулисами грозился убить меня, если снова понесусь, как на остановку за автобусом. В какой-то момент каблук предательски качнулся, и я успела подумать: вот оно, сейчас все увидят мой позор и я упаду на сцене, зато эффектно. Но удержалась. Выпрямила спину, повернулась, как нас учили на репетиции, и зал заплодировал сильнее. Не

из вежливости. Я почувствовала это кожей. Они смотрели. На меня. Видели меня. И от этого хотелось одновременно смеяться и плакать.

Я заметила ЕГО не в тот миг, когда вышла. Чуть позже, когда финалисток поставили в линию, а ведущий принялся мучить нас последними вопросами. Кто-то говорил про благотворительность, кто-то про семью, кто-то про мечты открыть детский центр, и я уже готовила в голове ответ, потому что мне могли задать ту же самую сладкую кашу.

Но взгляд сам сорвался в первый ряд. Там сидели спонсоры, чиновники, владельцы ресторанов, какие-то серьёзные мужчины с женщинами в дорогих платьях. Среди них был Аяз. Я тогда ещё не знала его имени. Не знала, что уже через несколько дней его пиджак будет висеть в моей комнате, а ещё через несколько недель он наденет мне на палец кольцо. Я увидела только тёмного, широкоплечего мужчину в чёрном костюме, который не хлопал, не переговаривался с соседями, не смотрел в телефон. Он смотрел на меня. Так внимательно, так спокойно и тяжело, что у меня на секунду сбилось дыхание. Будто зал исчез, и весь свет со сцены стекал туда, в его тёмные глаза.

Ведущий что-то спросил у девушки рядом, она бойко ответила и получила аплодисменты. А я всё ещё смотрела на незнакомца в первом ряду, пока Кирилл за кулисами не кашлянул слишком громко, возвращая меня на землю. Я моргнула, отвела взгляд и почувствовала, как горят щёки. Вот же глупость. Понравился мужчина в зале. Такое со мной случалось редко, если честно. Я могла оценить красоту, улыбку, фигуру, но чтобы так... с одного взгляда и до неприятного жара под кожей нет. Этот был не красивым в привычном сладком смысле. В нём не было ничего мягкого. Черты резкие, смуглая кожа, тяжёлый подбородок, густая борода, пальцы сжаты на подлокотнике кресла. Он выглядел человеком, который давно привык получать нужное без лишних разговоров. И мне бы испугаться. Наверное, любая разумная женщина почувствовала бы опасность и отвернулась. Я же поймала себя на желании, чтобы он посмотрел ещё.

Мой вопрос оказался неожиданно нормальным. Меня спросили, чего я боюсь больше всего. Я могла бы сказать что-то милое для зала, вроде «не оправдать надежды близких» или «потерять мечту», но внутри ещё дрожал тот самый взгляд из первого ряда, и ответ вышел совсем не заученный. Я сказала, что больше всего боюсь однажды проснуться и понять, что всю жизнь прожила правильно, послушно и не так, как хотела. Зал затих на пару секунд, а после зааплодировал. Я улыбнулась, хотя сердце в грудной клетке отплясывало, как бешеное. Кирилл за кулисами беззвучно показал два больших пальца, мама плакала уже совсем не стесняясь, а незнакомец в первом ряду наклонил голову набок. Его губ коснулась едва заметная улыбка. Не добрая. Не приветливая. Такая, от которой под ложечкой засосало и стало жарко.

Финал тянулся бесконечно. Музыка, свет, девушки рядом, объявление третьего места, второго. Я держала ладони сцепленными перед собой, чтобы никто не увидел, как они дрожат. Улыбалась победительнице второго места, хотя в голове шумело так, что я едва слышала ведущего. Я не ждала победы. Правда. На репетициях нас учили изображать радость за других, но в тот миг мне казалось, что если не назовут моё имя, я рухну от облегчения. Или от разочарования. Я уже не разбирала.

А когда ведущий сделал паузу, зал тоже будто втянул воздух. Я услышала собственную фамилию и в первую секунду ничего не поняла. Вельская. Ливия Вельская. Победительница. Самая красивая девушка города. Музыка взорвалась, Кирилл за кулисами заорал так, что перекрыл аппаратуру, мама закрыла лицо руками, а я стояла и глупо моргала, пока девушка со второго места не обняла меня и не прошептала на ухо, чтобы я шла к центру сцены, пока окончательно не стала мемом.

Я смеялась и плакала одновременно. По-настоящему. Некрасиво, с дрожащими губами, с мокрыми глазами, с тушью, которую визажистка, наверное, мысленно хоронила. Цветы вручили такие длинные, что я едва удержала букет, ленту поправили, кто-то поставил меня на нужную отметку. Ведущий объявил, что корону победительнице вручит главный спонсор кон-

курса, владелец строительного холдинга и основатель благотворительного фонда Аяз Багиров. По залу прошёл короткий шум, а у меня почему-то похолодели пальцы. Он поднялся из первого ряда. Медленно, без суеты, с той ленивой уверенностью, от которой люди вокруг расступались. И пока он поднимался на сцену, я внезапно поняла, что это тот самый мужчина. Тот взгляд. Та улыбка. Тот непонятный жар под кожей.

Аяз подошёл ко мне с короной в руках, и вблизи оказался ещё выше, шире, опаснее. Он посмотрел мне в глаза... И я пропала. Я смотрела на его руки. Большие, смуглые, сильные. Он держал корону осторожно, почти нежно, и от этого почему-то стало ещё тревожнее. Мужчина с такими руками мог раскрошить эту корону пальцами. Эта мысль пришла внезапно и тут же исчезла, потому что Аяз оказался совсем близко. Я подняла глаза и поняла, что он не улыбается для фотографов. Он смотрит на меня. Только на меня.

— Поздравляю, Ливия, — произнёс он негромко, надевая корону мне на волосы и задерживая пальцы у виска. Голос у него был низкий, с едва заметным акцентом, бархатный и грубый одновременно, будто он мог одним и тем же тоном приказать убить человека и прошептать женщине что-то в постели. — Теперь тебя весь город узнает.

У меня почему-то сорвался смешок. Нервный, глупый, неуместный, но я не смогла его удержать. Камеры щёлкали, зал хлопал, ведущий что-то говорил рядом, а мы будто стояли в отдельном стеклянном колпаке, где было слышно только его дыхание и мой сбившийся пульс.

— На неделю максимум, — ответила я, пытаюсь шутить, хотя голос дрогнул, а букет в руках стал невероятно тяжёлым. — У нас город быстро влюбляется в новых красавиц.

Аяз не отошёл. Его пальцы скользнули ниже, почти коснулись пряди у моего уха, и я почувствовала это прикосновение так остро, что едва не перестала улыбаться. Он наклонился ко мне совсем немного, будто поправлял корону для красивого кадра, а на самом деле сказал так тихо, что эти слова услышала только я.

— Город, может, и забудет, — произнёс он, глядя мне в глаза уже без всякой светской маски. — Я нет.

Тогда это прозвучало красиво. Странно, дерзко, слишком интимно, но красиво. Я стояла в свете прожекторов, с короной на голове, с мокрыми глазами и бешеным сердцем, а самый опасный мужчина в зале говорил мне, что запомнит меня навсегда. Какая женщина на моём месте не растаяла бы? Я растаяла. Сейчас, вспоминая тот миг из палаты закрытой клиники, я могла сколько угодно называть себя душой, но тогда мне было двадцать пять, я впервые в жизни победила, вокруг гремели аплодисменты, а он смотрел так, будто уже выбрал меня из всех.

Кирилл подлетел ко мне за кулисами через десять минут, когда нас наконец отпустили со сцены. Он схватил меня в объятия вместе с букетом, чуть не задушил, получил локтем под рёбра и всё равно смеялся громче всех. Мама плакала, целовала мои руки, лицо, корону, благодарила всех подряд, даже осветителя, который случайно проходил мимо. Вокруг кружили девушки, фотографы, организаторы, кто-то сунул мне бокал шампанского, кто-то просил улыбнуться, кто-то поправлял ленту. Я смеялась, отвечала невпопад, искала глазами зеркало и боялась увидеть, что корона мне всё-таки не идёт. В груди разливалось такое счастье, что оно почти болело. Нормальная, человеческая радость. Та самая, которую я позже буду вспоминать как последний вечер, где всё ещё могло сложиться иначе.

— Он на тебя смотрел, — выдал Кирилл мне на ухо, когда мы на пару секунд оказались в углу, подальше от камер и чужих объятий. Он снял с моего плеча какую-то золотистую блестку, хитро прищурился и скривил губы в своей фирменной ухмылке. — Наш главный спонсор. Багиров. Лива, он смотрел так, что у меня волосы на затылке зашевелились. Ты хоть понимаешь, кто это?

— Мужчина, который только что чуть не прожёт мне лицо взглядом? — фыркнула я, делая вид, что мне всё равно, и тут же получила от Кирилла такой взгляд, будто он поймал

меня за враньём с чужим кошельком в руке. — Что? Я не слепая. Он красивый. Наверное. И страшный немного. Доволен?

— Немного? — Кирилл засмеялся, наклонился и чмокнул меня в щёку, как делал тысячу раз до этого вечера. — Деточка, с таким человеком ничего не бывает «немного». Но если решит за тобой поухаживать, ты хотя бы не соглашайся на первое же свидание. Помучай мужика. Для приличия. Говорю, как мужик. И да, я тоже умею ухаживать.

— Ни разу не видела, — хмыкнула я.

— Потому что ты мой братан, а не девушка, которая нравится, понимаешь? — Кирилл развёл руками с таким видом, будто объяснял очевидное.

Я ударила его букетом по плечу и рассмеялась. В тот миг я ещё не видела, что за спиной Кирилла стоит Аяз. Он, кажется, подошёл беззвучно. Или вокруг было слишком шумно, и мы не слышали. Я повернулась не из-за шагов, а из-за того, что улыбка Кирилла вдруг стала какой-то натянутой. Аяз смотрел не на меня. На Кирилла. И впервые за вечер я увидела в его глазах не интерес и не мужскую жадность, а холодную оценку. Очень быструю. Почти незаметную. Будто он поставил галочку напротив имени человека, который имел право целовать меня в щёку, и эта галочка ему не понравилась.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказал Аяз, переводя взгляд на меня, и его лицо вновь стало спокойным, почти светским. Он держал в руках тонкий чёрный конверт и маленькую коробку с логотипом ювелирного дома, одного взгляда на который хватило, чтобы у меня перехло во рту. — Победительнице положен подарок от спонсора. Я решил вручить лично.

Кирилл рядом даже закашлялся от происходящего, а мама в нескольких шагах от нас застыла с телефоном в руках. Я же смотрела на коробку, на его пальцы, на своё отражение в глянцевой крышке и не знала, что сказать. Отказаться? Поблагодарить? Засмеяться? Сделать вид, что дорогие ювелирные подарки от чужих мужчин после конкурса, обычная часть моей жизни? Аяз открыл коробку сам. Внутри лежали серьги с изумрудами, почти того же цвета, что моё платье. Не кричащие, не огромные, а безумно красивые. Такие украшения не выбирают случайно за десять минут до вручения. Их покупают заранее. Под женщину. Под платье. Под вечер. И я с неприятным жаром поняла, что он знал, в чём я выйду.

— Это слишком, — произнесла я тихо, потому что голос вдруг стал чужим. Мне хотелось смотреть только на серьги, но я всё равно подняла глаза на него. — Я не могу принять такой подарок. Мне неловко.

Аяз чуть прищурился. Будто слово «не могу» показалось ему забавным. Он не рассердился, не надавил, даже улыбнулся. Но улыбка эта была слишком спокойной для отказа.

— Неловкость пройдёт, — ответил он, закрывая коробку и вкладывая её мне в ладонь вместе с конвертом. Его пальцы накрыли мои на одну короткую секунду, горячие, сильные, окончательно сбившие мне дыхание. — А серьги останутся. Надень их на ужин, Ливия. Завтра в восемь за тобой приедет машина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.